

ПРЕДИСЛОВИЕ
АВТОРА

ПРЕДИСЛОВИЕ А. Н. АФАНАСЬЕВА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Honny soit, qui mal y pense¹

Издание наших «Заветных сказок» в том виде и последовательности, в которых мы предлагаем их любителям русской народности, едва ли не единственное в своём роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нисколько не стесняясь выражениями развернула всю силу и всё богатство своего юмора.

Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы дол-

---

¹ Позор тому, кто об этом подумает (девиз английского ордена Подвязки).

жны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей pruderie¹. Наши заветные сказки — единственное в своём роде явление, как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем другого издания, в котором бы в сказочной форме была таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая всеми блестящими и остроумными сторонами простолюдина. Литературы других народов представляют много подобных же заветных рассказов и давным-давно уже опередили нас и в этом отношении. Если не в виде сказок, то в виде песен, разговоров, новелл, farces, sottises, moralites, dictons² и т. п. другие народы обладают огромным количеством произведений, в которых народный ум, так же мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, зацепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни. Кто сомневается в том, что игровые рассказы Боккаччо не почерпнуты из народной жизни, что бесчисленные французские новеллы и faceties³ XV, XVI и XVII веков — не из того же источника, что и сатирические произведения испанцев, Spottliede⁴ и Schmahschriften⁵ немцев,

---

¹ Показной добродетели (*франц.*).

² Фарсов, соти, моралите, поговорок (*франц.*).

³ Фацетии (*франц.*).

⁴ Насмешливые песни (*нем.*).

⁵ Поносные сочинения (*нем.*).

эта масса пасквилей и разных летучих листов на всех языках, являвшихся по поводу всевозможных событий частной и общественной жизни, — не народные произведения? В русской литературе, правда, до сих пор есть ещё целый отдел народных выражений непечатных, не для печати.

В литературах других народов издавна таких преград народной речи не существует. Не восходя к классической древности, разве “*Ragionamenti*” Р. Аретино, “*Capitoli*” Франч. Берни, Giov. della Casa, Molza, “*La Rettorica della puttane*” Pallavicini, “*L’Alcibiade fanciullo*” а scola¹ и произведения других итальянских писателей, далее книга Меурсия — “*Elegantiae latini sermones*”², целый ряд известных во французской литературе: “*Joyuesetez*”, *faceties et folastres imaginations*³, знаменитый “*Recueil de pieces choisies par le soins du Cosmopolite*”⁴, разве весь этот поток “*Flugschriften*”⁵, о которых говорит⁶ Schade: “die

---

¹ «Беседы» П. Аретино, «Капитоли» Франч[еско] Берни, Джов[анни] Делла Каза, Молицы, «Риторика девок» Паллавичини, «Мальчик Алкивиад» (итал.).

² «Изящные латинские разговоры» (лат.).

³ «Потешки», факетии и забавные выдумки (франц.). См. *Réimpressions par Caron, Montaran, Techener, Veinant. J. Gay* и других [Переиздания Карона, Монторана, Тешнера, Дж. Гей (франц.)]. (Прим. А. Н. Афанасьева).

⁴ «Сборник избранных отрывков для развлечения всего света» (франц.).

⁵ «Листовок» (нем.).

⁶ Шаде: «Которые тогда летали над землей подобно целой стае» (нем.).

damals wie eine Fluth ubers Land fuhren”¹ не доказывают ясно, что печатное слово не считало нужным прикрываться дымкой стыдливой pruderie и виноградным листом цензурного письма? Нужно ли при этом упоминать о макаронических произведениях, пользующихся такою честью от великолепного Лаврентия Медичиса и до Медичисов нашего времени? Нужно ли, наконец заметить, что не одним только библиофилам известны целые отделы, предмет которых описывают специальные библиографии, вроде “Bibliotheca Scatologica” (Scatopolis, 5850)², отделы, известные в книжном мире под именем: “Singularitis”, “Curiosa”, “Erotica”, “Ouvrages sur l’amour”, “... sur la galanterie”³. ...Итак, обвинение русского народа в грубом цинизме равнялось бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами, само собой сводится к нулю.

Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто только на ту сторону жизни, которая больше всего даёт разгула юмору, сатире и иронии. Сказки наши передаются в том безыскусственном виде, как они вышли из уст народа и записаны со слов рассказ-

---

¹ Sie Kennzeichnen sich fast alle durch ein scharfes satirisches Element, beispiellosen Freimuth, mitunter durch grosse Derbheit u. s. w. (*Satiren u. Pasquille von Oskar Schade*). [Они почти все отличаются острым сатирическим элементом, беспримерной свободой, иногда большой грубостью и т. д. («Сатиры и пасквили» Оскара Шаде)] (нем.). (Прим. А. Н. Афанасьева.)

² «Скатологическая библиотека» (Скатополис, 5850) (лат.).

³ «Странности», «Курьёзы», «Эротика», «Произведения о любви», «Руководство к ухаживанию» (франц.).

чиков. Это-то и составляет их особенность: в них ничего не тронуту, нет ни прикрас, ни прибавок. Мы не будем распространяться о том, что в разных полосах широкой Руси одна и та же сказка рассказывается иначе. Вариантов таких, конечно, много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст в уста, не будучи ещё ни подслушана, ни записана собирателями. Приводимые нами варианты взяты из числа наиболее известных или наиболее характеристичных почему-либо. О последовательности, в какой являются наши сказки, мы считаем излишним распространяться. Заметим только по этому поводу, что та часть сказок, где действующие лица животные, как нельзя более рисует всю сметливость и всю силу наблюдательности нашего простолюдина. Вдали от городов, работая в поле, лесу, на реке, он везде глубоко понимает любимую им природу, верно подсматривает и тонко изучает окружающую его жизнь. Живо схваченные стороны этой немой, но красноречивой для него жизни сами собой переносятся на его собратьев — и полный жизни и светлого юмора рассказ готов. Отдел сказок о так называемой народом «жеребьячьей породе», из которых пока мы приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужичка к своим духовным пастырям, и верное понимание их. Любопытны наши заветные сказки помимо многих сторон и в следующем отношении. Важному учёному, глубокомысленному исследователю русской народности они дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания ино-

странных писателей, с произведениями других народов. Каким путём проникли в русские захолустья рассказы Боккаччо¹, сатиры и фарсы французов XVI столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общественная сторона, где и, пожалуй, даже с чьей стороны следы влияния, какого рода сомнения и заключения из очевидности подобного тождества и т. д. и т. д. Предоставляя решение всех этих и иных вопросов нашим патентованным учёным, мы и без того надеемся, что наши читатели помянут добрым словом труды почтенных собирателей этих сказок. Мы же со своей стороны, издавая это редкое собрание с целью спасти его от гибели, равно чужды, смеем думать, как хвалы, так и порицаний. Таким образом, не принимая лицемерно учёной наружности, книга наша является случайным и простым сборником той стороны русского народного юмора, которому до сих пор не было места в печати. При диких условиях русской цензуры, её кривом понимании нравственности и морали книга наша тихо печаталась в той отдалённой от треволнений света обители, куда ещё не проникала святотатственная рука какого бы то ни было цензора. Мы не можем при этом не высказать одного из наших душевных желаний: да последуют и другие тихие уголки нашей отчизны примеру нашей обители. Пусть разовьётся в них чуждое всякой цензуры, благородное искусство книгопечатания — и да выйдут из рук трудящейся братии, сойдут с завет-

---

¹ См., например, сказку № 77 — Купеческая жена и приказчик. (Прим. А. Н. Афанасьева).

ных станков их всякое свободное слово, всякая заветная речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они...

Прибавим в заключение, что впоследствии мы намерены также издать: «Русские заветные пословицы» и продолжение «Русских заветных сказок». Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок. Изданием их мы надеемся оказать услугу как вообще делу изучения русской народности, так и в особенности нашим собратиям — истинным любителям и знатокам всего заветного, меткой, образной русской речи и её светлого юмора.

Филобибл¹
Женева, 1872

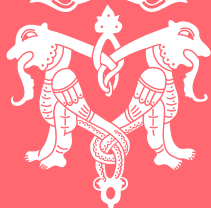
---

¹ Псевдоним А. Н. Афанасьева. (Прим. ред.)

СКАЗКИ

ЛИСА И ЗАЯЦ

Пришла весна, разыгралась у зайца кровь. Хоть он силой и плох, да бегать резов и ухватка у него молодецкая. Пошёл он по лесу и вздумал зайти к лисе. Подходит к лисицыной избушке, а лиса на ту пору сидела на печке, а детки её под окошком.

Увидала она зайца и приказывает лисиняткам:

— Ну, детки! Коли подойдёт косой да станет спрашивать, скажите, что меня дома нету. Ишь его чёрт несёт! Я давно на него, подлеца, сердита, авось теперь как-нибудь его поймаю.

А сама притаилась. Заяц подошёл и постучался.

— Кто там? — спрашивают лисинятки.

— Я, — говорит заяц, — здравствуйте, милые лисинятки! Дома ли ваша матка?

— Её дома нету!

— Жалко! Было еть — да дома нет! — сказал косой и побежал в рощу.

Лиса услышала и говорит:

— Ах он, сукин сын, косой чёрт! Охáверник*¹ эдакий! погоди же, я ему задам зорю!

Слезла с печи и стала за дверью караулить, не придёт ли опять заяц. Глядь — а заяц опять пришёл по старому следу и спрашивает лисинят:

— Здравствуйте, лисинятки! Дома ли ваша матка?

— Её дома нету!

— Жаль, — сказал заяц, — я бы ей напырлял по-своему!

Вдруг лиса как выскочит:

— Здравствуй, голубчик!

Зайцу уж не до ебли, со всех ног пустился бежать, ажно дух захватывает, а из жопы орехи сыплются. А лиса за ним.

— Нет, косой чёрт, не уйдёшь!

Вот-вот нагонит! Заяц прыгнул и проскочил меж двух берёз, которые плотно срослись вместе, и лиса тем же следом хотела проскочить, да и завязла: ни туда, ни сюда! Билась-билась, а вылезти не может.

Косой оглянулся, видит: дело хорошее, забежал с заду и ну лису есть, а сам приговаривает:

— Вот как по-нашему! Вот как по-нашему!

Отработал её и побежал на дорогу, а тут недалеко была угольная яма — мужик угля жёг. Заяц поскорей к яме, вывалился весь в пыли да в саже и сделался настоящий чернец*. Вышел на дорогу, повесил уши и сидит.

---

¹ Знаком * помечены в тексте слова, указанные в глоссарии в конце издания, на с. 199. (Прим. ред.)

Тем временем лиса кое-как выбралась на волю и побежала искать зайца. Увидала его и приняла за монаха.

— Здравствуй, — говорит, — святой отче! Не видал ли ты где косого зайца?

— Которого? Что давеча тебя ёб?

Лиса вспыхнула со стыда и побежала домой:

— Ах он, подлец! Уж успел по всем монастырям расславить!

Как лиса ни хитра, а заяц-то её попробовал.

